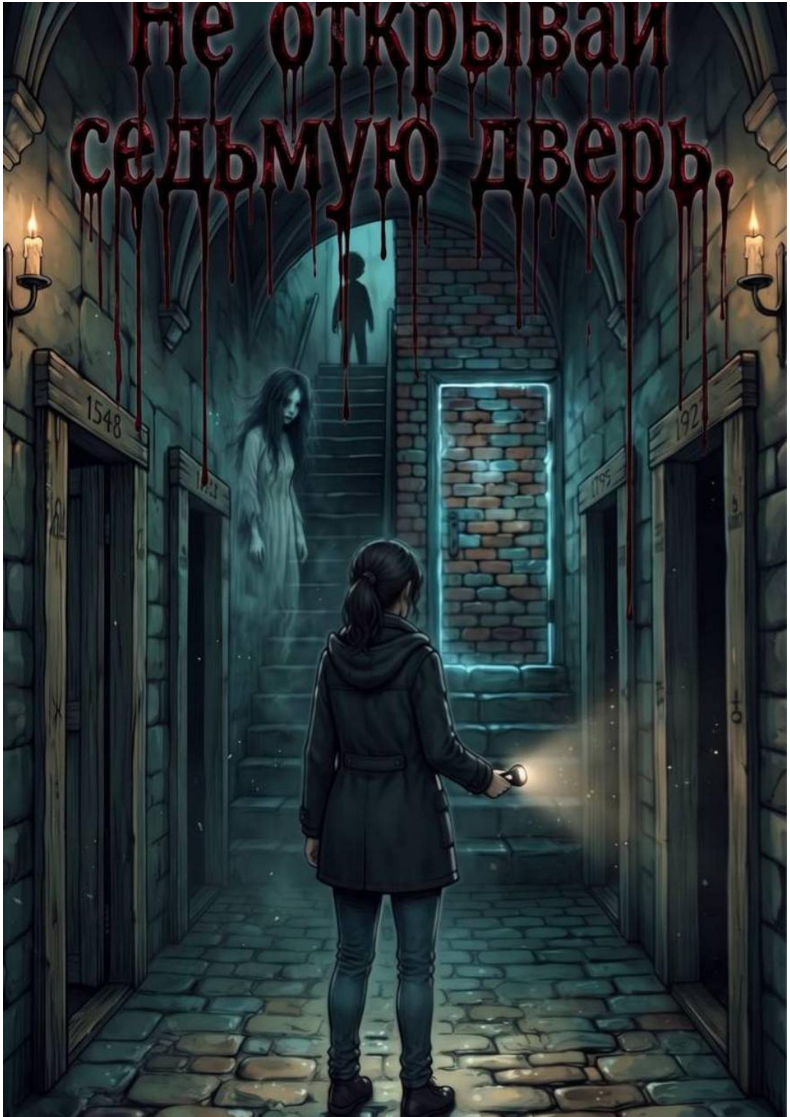

Не открывай
седьмую дверь.
1548
192

Strange Ghosst
Не открывай седьмую дверь.

https://litres.ru/74699159
SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет Алена Горжалкова вскрывала тела в пражском монтировочном морге и привыкла, что у любой смерти есть простое анатомическое объяснение. Но побег от прошлого, развод и желание начать новую жизнь с сыном Матеем приводят её на тихую улочку Малой Страны. Сто двадцать квадратных метров в историческом центре Праги за полцены, предложение, от которого невозможно отказаться. Однако безупречный фасад цвета выцветшего абрикоса скрывает чужие секреты. В квартире с высокими потолками чужие вещи остаются на своих местах, а под слоями старой краски на дверных косяках проступают выцарапанные года. Шесть дверей, шесть прошлых владельцев, исчезнувших без следа за тридцать лет, и обходительный старик-управляющий с кастрюлей горячей свичковой. Когда сын начинает слышать тихий плач в стенах и говорить о неизвестной «тёте», Алена включает навыки судебного эксперта. Но что делать, если пражские подвалы хранят гораздо больше, чем просто старые архивы, а седьмая дверь всё ещё ждёт своего часа?

Содержание

Не открывай седьмую дверь 4
Глава 1. Ключи 4
Глава 2. Радушный сосед 13
Глава 3. Первая ночь 20
Глава 4. Прошлое 27
Глава 5. Даты 32
Глава 6. Серьга 37
Глава 7. Первая дверь 43
Глава 8. Дом помнит 49
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Strange Ghosst
Не открывай седьмую дверь.

Не открывай седьмую дверь

Глава 1. Ключи

Риелтор опоздала на двадцать минут, а когда наконец появилась, всё равно не захотела подниматься наверх первой.

— Второй этаж, налево, — сказала Ивана Блажкова и протянула связку ключей так, словно та могла укусить. — Вы же всё посмотрели на видео? Мне через полчаса нужно быть на Виноградах.

Алена Горжалкова взяла ключи. Они были тяжёлые, старые, на кожаном шнурке, потемневшем от чужих рук.

Дом стоял на тихой улочке в двух шагах от Нерудовой, там, где туристы уже не фотографируют, а местные ещё не успели сдать всё под апартаменты. Фасад цвета выцветшего абрикоса, лепные гирлянды над окнами, каменная голова над входом, то ли ангел, то ли обычный пражский мужик с отбитым носом. Где-то внизу, на спуске, прогремел двадцать

второй трамвай, и стёкла в доме отозвались тонким звоном.

Улица была узкая, вымощенная гранитной брусчаткой, которую пражане называют «кошачьими головами», и машины ехали по ней медленно и неохотно. У булочной на углу пожилая продавщица в белом фартуке выставляла на тротуар корзину с рогаликами, и запах дрожжей и тмина мешался с влажным дыханием реки. Над крышами, невысоко, висел шпиль какого-то костёла. Туман ещё не разошёлся, и казалось, что город смотрит на них сквозь запотевшее стекло.

Алена остановилась и вдохнула. Это была не та Прага, которую она знала по работе: Ке Карлову, жёлтые лампы, кафельные стены. Это была открытка. Прага с её лучшей стороны, из тех, что присылают с поздравлением. И почему-то именно эта безупречная открыточность вызывала у неё смутную тревогу, как улыбка слишком любезного продавца.

— Мам, — сказал Матей и поправил лямку рюкзака. — Он смотрит.

— Дом? Окнами, конечно.

— Нет. Вот этим окном.

Он показал на одно из окон первого этажа, справа от входа. Занавеска там качнулась и замерла. Алена решила, что это сквозняк.

Алена посмотрела на окно. Белая вышитая занавеска висела неподвижно, за ней угадывался тёмный квадрат комнаты и ничего больше. Она подумала, что надо бы всё-таки постучать к соседям, представиться, но риелтор уже погляды-

вала на часы, а Матей стоял на тротуаре, не двигаясь, словно ждал, пока дом ответит.

Ей вообще многое приходилось решать, чтобы жить дальше. Двенадцать лет она вскрывала тела в Институте судебной медицины и привыкла, что у любого «странного» есть причина, просто её надо найти. Потом был развод, потом Томаш, который говорил «ради ребёнка» тем тоном, каким в суде говорят «ваша честь», потом тот день, когда она положила заявление на стол заведующего и поняла, что больше не хочет знать, как люди умирают. Ей хотелось узнать, как они живут. В квартире с высокими потолками, где по утрам светло. Где у сына будет своя комната.

Она посчитала всё ещё на кухне чужой квартиры, на съёмной, ночью, с калькулятором. Сто двадцать метров в центре Праги, Мала́ Страна, паркет, изразцовая печь. Цена вдвое ниже рыночной. Такого не бывает. Она сама сказала это риелтору по телефону, и та ответила слишком быстро:

— Наследники судятся между собой, продавец хочет закрыть вопрос. Это просто бумаги.

Алена знала, как звучит ложь, когда её произносят заранее заготовленной. Но знала она и то, сколько стоит съёмная двушка в Праге 4, и как Матей смотрит на неё по вечерам, когда думает, что она не видит.

Поэтому она подписала предварительный договор.

Объявление она нашла в три часа ночи, пролистывая ленту сайта недвижимости только для того, чтобы не думать о

суде. Одна фотография за другой: паркет, лепнина, окна во двор. «Редкое предложение в историческом центре. Срочная продажа. Возможность торга». Она посмотрела на цену, потом на метраж, потом снова на цену и тихо засмеялась, как смеются над неудачной шуткой. Но вкладку не закрыла.

Утром она позвонила матери. Мать жила в Брно, не любила Прагу и в принципе не доверяла всему, что стоило дешевле, чем должно.

— Подозрительно, — сказала мать.

— Наследники, суд.

— Суд — это значит, что кто-то в чём-то виноват.

— Мама, мне нужна своя квартира.

— Тебе нужен покой, — вздохнула мать. — Но если уж так хочется, посмотри хотя бы сама, а не по видео.

Она не посмотрела. Видео прислала Блажкова: двенадцать минут, снято на телефон, камера плыла по комнатам, не задерживаясь, а голос за кадром называл метры и цифры. Алена просматривала его три раза и каждый раз ловила себя на одном и том же. Камера обходила одну точку. Доходя до конца коридора, оператор всякий раз аккуратно поворачивал в сторону, словно там было что-то, что не вошло в кадр.

Она решила, что это неопытный оператор.

Подъезд пах сырым камнем. Под этим запахом пряталось что-то домашнее и густое: жареный лук, тмин, кнедлики. Кто-то внизу готовил, и от этого дом казался живым. Алена

поймала себя на том, что ей хочется постучать в ту дверь и сказать: «Здравствуйте, мы ваши новые соседи».

Но глазок на двери первого этажа на секунду потемнел, и она не постучала.

У подножия лестницы висел ряд почтовых ящиков, облупленных, с цифрами, нарисованными белой краской. На первом аккуратная наклейка: «Й. Кратохвил». На третьем «В. Нейедла», выведенное старческой рукой на клочке картона. Ящик с цифрой «2» был без имени, и в щели виднелся единственный листок: выцветшая листовка с рекламой доставки угля. «Осень 1998». Такие разносили, наверное, лет тридцать назад. Ящик не вскрывали много лет, но замок на нём был новый.

Лестница была широкая, с чугунными перилами, ступени посередине стёрлись до блеска. Алена машинально прикидывала: сколько поколений, сколько ног. Профессиональная привычка. Она не могла просто идти по лестнице, она читала её, как протокол.

На втором этаже налево обнаружилась тяжёлая дверь тёмного дерева с латунной табличкой без фамилии. Ключ вошёл в замок с неожиданной лёгкостью, будто замок смазывали на днях.

— Ну вот, — сказала Блажкова за её спиной, и Алена вдруг заметила, что риелтор остановилась на ступеньку ниже порога. — Осматривайтесь. Документы я оставила на кухонном столе. Если будут вопросы...

— Вы не зайдёте?

— Я опаздываю.

Она уже спускалась. Каблуки стучали быстро, чуть не бегом. Внизу хлопнула входная дверь, и стало тихо.

Матей первым шагнул через порог.

Квартира была именно такой, какой Алена увидела её на видео, и всё же другой. Высокий потолок с лепным медальоном. Паркет ёлочкой, натёртый до тёплого блеска. Из коридора, длинного, как купе поезда, вели двери, тёмные, с латунными ручками. В конце коридор упирался в глухую стену, оклеенную выцветшими обоями с мелким узором из гирлянд, и серый ровный свет, падавший из комнат с окнами во двор-колодец, не давал теней.

Пахло пылью, воском и чем-то сладковатым, едва различимым, как отголосок чужих духов.

Алена обошла комнаты, не заходя глубоко, как обходят палату, где впервые видят пациента. Кухня была огромная, с низким окном и встроенным буфетом из тёмного дерева во всю северную стену, таким тяжёлым, что мебельщики, наверное, сочли его частью дома. В гостиной на полу лежал тёмно-красный ковёр с выцветшими ромбами, который прежние хозяева почему-то не взяли с собой. Спальня выходила окнами на улицу: под высоким окном тянулась деревянная скамья с откидной крышкой, на которой удобно было бы сидеть по вечерам, глядя на фонарь. В ванной стояла чугунная ванна на изогнутых ножках, из тех, что весят как

рояль, а стены были облицованы белым кафелем, местами потрескавшимся.

В каждой комнате было светло, чисто и пусто, и нигде ни пылинки, ни забытой скрепки. Алена отметила это про себя, но не придала значения. Люди, которые продают быстро, обычно убираются как следует.

— Здесь тихо, — сказал Матей.

Он стоял посреди коридора и чуть склонил голову набок. Так он делал с самого раннего детства, когда прислушивался к чему-то, чего не слышали взрослые. Алену это раньше умиляло, потом пугало, потом психолог в школе сказала «у мальчиков с богатым воображением это бывает», и она перестала замечать.

— Выбирай комнату, — сказала Алена. — Любую.

— А можно ту, что в конце?

— Можно.

Он убежал по коридору, и она слышала, как скрипнул паркет, потом открылась и закрылась дверь. Потом стало тихо.

Алена прошла на кухню. На столе лежала папка с документами, а рядом ключ от подвальной клетки с картонной биркой, на которой чьей-то рукой было выведено: «Для хозяев». Она повертела его в пальцах, положила обратно. Потом открыла окно, впустила в квартиру гул трамвая и крики чаек с Влтавы и впервые за полгода почувствовала, что может вдохнуть до конца.

Может быть, всё получится.

Она распаковала первую коробку, потом вторую. Ложки, ножи, дуршлаг, который она возила с собой через три съёмные квартиры. В какой-то момент поймала себя на том, что говорит вслух, как говорят одинокие люди в пустых домах: «Куда тебя поставить? А тебя?» Из комнаты Матея не доносилось ни звука. Она подумала, что он, наверное, раскладывает свои камни и машинки, улыбнулась и не пошла проверять.

Она не знала, что именно заставило её вернуться в прихожую. Может быть, привычка проверять, закрыта ли дверь. Может быть, то, что в доме по-прежнему было слишком тихо.

Дверь была закрыта. Она потянулась к цепочке и остановилась.

На внутренней стороне дверного косяка, на уровне её глаз, кто-то вырезал дату. Четыре цифры, глубокие, как рубец.

1974.

Алена провела по ним пальцем. Краска на косяке лежала в несколько слоёв, пожелтевшая, с трещинками, она старела вместе с домом. Но вокруг цифр дерево было светлым и чистым. Кто-то очистил это место от краски. И сделал это недавно. Совсем недавно, судя по острым краям и мелкой стружке, застрявшей в трещине.

Две недели назад, подумала она. Может быть, неделю.

За её спиной, в конце коридора, медленно отворилась дверь, и она услышала голос сына:

— Мам? А кто такая тётя, которая просит нас не уходить?

Глава 2. Радушный сосед

Он не откликнулся ни с первого раза, ни со второго.

Алена нашла его в последней комнате, самой дальней, с окном во двор-колодец. Матей сидел на полу, спиной к стене, скрестив ноги, и держал ладонь на штукатурке так, как прикладывают руку к боку спящего животного. Рюкзак валялся рядом. В углу высилась печь, облицованная зелёными изразцами с трещинками в глазури, и казалось, что она тоже к чему-то прислушивается.

— С кем ты разговаривал? — спросила Алена с порога.

— Ни с кем.

— Я слышала.

— Я сказал «хорошо». — Он пожал плечами и убрал руку со стены. — Просто тётя спросила, надолго ли мы.

Алена умела не пугаться. Двенадцать лет в секционном зале приучили её к тому, что самое страшное в жизни почти всегда имеет простое объяснение. Воображаемые друзья — нормальный этап развития, она читала об этом. Обычно проходят к восьми. Ему было девять, но он рос без отца в последние два года, а теперь ещё и переезд.

— Какая тётя? — спросила она как можно ровнее.

— Не знаю. Она тихая. — Он помолчал. — Ей холодно.

— А как она говорит? Голосом?

— Не голосом. — Он наморщил лоб, подбирая слово. —

Как будто ты думаешь, а мысль не твоя.

— Давно это?

— С тех пор как ты первый раз смотрела на дом. На фотографии, в телефоне. Ночью. — Он пожал плечами. — Я не спал. Тогда она уже была.

Алена открыла рот и закрыла. Она действительно сидела тогда над телефоном в три часа ночи, но в комнате было темно, а Матей спал в соседней, за закрытой дверью.

Алена присела и поправила воротник его куртки. В комнате и правда было прохладно, как бывает в старых домах со стенами в метр толщиной, которые за лето не прогреваются до конца. Старые дома разговаривают: трубы, сквозняки, соседи за стеной. Она сказала себе это дважды, потому что с первого раза не поверила.

Она встала и огляделась. Комната была самой маленькой в квартире и самой тихой: окно во двор-колодец, из которого виднелись только такие же окна напротив, глухие, с вечно задёрнутыми шторами. Обои выцвели до цвета слабого чая. В углу высилась печь, и Алена, не думая зачем, положила ладонь на изразцы. Они были тёплыми. Не горячими, а именно тёплыми, как бок спящего кота, хотя печь не топили, наверное, лет сорок. Она убрала руку, посчитала до пяти и коснулась снова. Теплее не стало. Холоднее тоже.

В дверь позвонили. Два коротких звонка и один длинный, как звонят люди, которые привыкли, что им открывают.

На площадке стоял невысокий сухой старик в вязаной жи-

летке поверх клетчатой рубашки и в клетчатых домашних тапках. Редкие седые волосы были зачёсаны назад, а в руках он держал эмалированную кастрюлю, накрытую полотенцем. Из-под полотенца поднимался пар, и запах, тот самый, из подъезда, вошёл в квартиру раньше хозяина.

— Добрый день, добрый день! — Он улыбнулся так широко, что глаза почти исчезли в морщинах. — Йозеф Кратохвил, первый этаж. Я не помешаю? Услышал шаги над головой, решил: новые жильцы, с дороги, наверняка ничего не ели. А у меня как раз со вчерашнего дня свичкова осталась. Говядина в сливочном соусе, с брусникой, и кнедлики, домашние, не магазинные. Вы не думайте, я не навязываюсь. Просто по-соседски.

— Алена Горжалкова, — сказала она и сама удивилась, что протягивает руку. — Спасибо, но не стоило…

— Стоило, стоило. — Он переложил кастрюлю в левую руку и пожал её ладонь. Рука у него была сухая и тёплая. — Я здесь с девятнадцати лет, почти полвека. Знаю, каково это: приехать в чужие стены, а на плите пусто.

Она взяла кастрюлю. Он остался на пороге, не делая попытки войти, и это почему-то насторожило её сильнее, чем если бы он шагнул внутрь. Люди, которые приносят еду незнакомым, обычно заглядывают через плечо, любопытствуют, оценивают. Этот смотрел только на неё.

Привычка опять сработала раньше, чем она успела её остановить. Алена посмотрела на его руки. Ногти аккурат-

но подстрижены, кожа розовая, чистая, без заусениц и въевшейся грязи, без мозолей на ладони, где они бывают у людей, которые много лет возятся с трубами и замками. Руки конторского человека. Руки человека, который давно ничего не чинил.

— Вы, насколько я понимаю, были управляющим? — спросила она. — Риелтор что-то говорила.

— Домовым управляющим, — кивнул он с удовольствием, будто ему вручили награду. — При старом режиме. Весь дом через меня: ключи, трубы, жильцы. Тогда без этого было нельзя. Каждый знал, к кому идти, если что. Потом всё изменилось, и дом стал, как это сказать, ничей. Все хозяева меняются, а я остаюсь. Привык.

— Дом построили в девяносто третьем году, — добавил он, не дожидаясь вопроса. — Пивовар один, Бартак, для вдовой сестры. А подвалы, конечно, старше. Под Малой Страной всё старше, чем кажется. Здесь, пани докторка, когда-то стоял монастырь, а под ним ещё что-то, о чём в книгах не пишут. Тоннели, склады, винные погреба. Люди строят, строят, а потом забывают, что именно построили.

— Много хозяев было?

Он вздохнул и поднял брови, будто речь шла о чём-то неловком, вроде болезни у дальних родственников.

— Много. Люди нервные пошли. Дом старый, дом разговаривает, а они не умеют слушать. Бегут, продают за полцены, а потом пишут в интернете, что в доме дурная аура.

— Он посмотрел на неё внимательно и, как ей показалось, с одобрением. — Вы не из таких, я вижу. Вы человек практичный.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы не спросили, из-за чего цена такая низкая.

Она спросила. Давно, по телефону, и ей ответили про наследников. Но говорить об этом Алена не стала.

— А вы знаете, из-за чего?

— Из-за суда, — легко сказал он. — Наследники делят. Пани Блажкова вам, конечно, объяснила. Милая женщина, но нервная, как все они. Вы заметили, она даже не поднялась?

Алена заметила. Она ничего не ответила.

— А наверху, на третьем, — продолжил он, как ни в чём не бывало, — живёт пани Нейедла. Милая старушка, но возраст, знаете. Любит рассказывать истории. Вы её не слушайте, пожалуйста, она всё путает. Скажет вам что-нибудь про привидений, про серые плащи, про то, как раньше было. Обычные старческие страхи. Я ей сам говорю: Власта, вы себя накручиваете.

Он сказал это добродушно. Но Алена заметила, что он ни разу не назвал её просто «соседкой».

В коридоре за её спиной скрипнул паркет. Матей вышел из комнаты и остановился в дверях, обхватив лямку рюкзака обеими руками, как делал всегда, когда незнакомые взрос-

лые оказывались слишком близко.

Кратохвил опустил взгляд на мальчика, и лицо его будто растаяло. Он присел, насколько позволяли колени, и оказался с Матеем почти вровень.

— А ты, стало быть, Матей. Любишь кнедлики?

Матей молча кивнул.

— Хороший парень. Я знал, что ты любишь. Мама тебе скажет: ешь, пока горячие.

Он поднялся, отряхнул колени, хотя на них ничего не было, и снова улыбнулся Алене.

— Вот ещё что, пани докторка. Ключ от общего подвала у вас, наверное, уже лежит на кухне, в конверте. Клетка у каждой квартиры своя, а лампы там старые, проводка, не дай бог. Вы без меня не спускайтесь, ладно? Я вам покажу, где выключатель. Там темно, а парень ваш, он такой… любопытный.

Он кивнул, повернулся и пошёл вниз. Тапки шаркали по каменным ступеням неспешно, ровно, как у человека, которому некуда спешить в этом доме и никогда не было.

Алена закрыла дверь. Постояла, держа в руках тёплую кастрюлю. Потом медленно проверила замок, цепочку, ещё раз замок.

Он ни разу не спросил, откуда они приехали. Ни про мужа, ни про работу, ни про то, почему женщина с ребёнком покупает квартиру в центре Праги за полцены. Он не расспрашивал так, как расспрашивают люди, которым любо-

пытно. Он принимал её слова так, как принимают то, что давно известно. И это почему-то беспокоило её сильнее, чем если бы он засыпал её вопросами.

На кухне она поставила кастрюлю на плиту и сняла полотенце. Мясо, соус, брусника. Кнедлики лежали ровными белыми кружками, как отполированные камни, и пахли ванилью, дрожжами и тем самым луком.

Ей вдруг стало очень голодно. Она нашла две тарелки, открыла дверцу шкафа, и пальцы замерли на фарфоровом краю.

Она ведь ни разу не назвала сына по имени. Ни Блажковой, ни этому человеку, ни в разговоре у двери. В договоре значилось только её имя, а Матей числился в строке «лица, проживающие совместно», которую она сама заполняла и которую никто не читал.

А старик сказал: «А ты, стало быть, Матей».

И добавил, что мама ему скажет.

Глава 3. Первая ночь

Кнедлики Матей съел три штуки и сказал, что вкусно.

Это почему-то разозлило Алену сильнее всего за вечер. Она сама съела две и честно признала, что соус был идеальным: густой, кисловатый, с лёгкой сладостью брусники. Она вымыла кастрюлю и поставила на подоконник, чтобы утром вернуть. Она не стала бы возвращать её сегодня даже под угрозой штрафа.

За столом Матей ел молча, потом спросил:

— А папа придёт?

— Когда захочет.

— Он будет смотреть, какая у нас квартира?

— Наверное.

— А если ему не понравится?

— Тогда это будет его проблема.

Она сама не заметила, как сказала это резче, чем хотела, и Матей втянул голову в плечи, как делал всегда, когда боялся не слов, а тона. Алена накрыла его ладонь своей.

— Прости. Ему понравится. Здесь очень красиво.

— Тут тихо, — повторил Матей. — Только трубы.

— Что трубы?

— Ничего. Просто они разговаривают.

Потом были коробки. Грузчики привезли их днём, пока она ждала риелтора, и теперь они громоздились вдоль стен,

подписанные её рукой: «кухня», «книги», «Матей — зимнее», «Матей — игрушки (не открывать, он обидится)». Она вскрыла три, нашла кастрюли, постельное бельё и пижаму, застелила кровати и вдруг обнаружила, что за окном темно.

В Праге темнеет по-осеннему рано, и в старых домах на Малой Стране эта темнота приходит не снаружи, а изнутри. Сначала сереют углы. Потом стены перестают быть стенами и становятся чем-то вроде плотной ткани, которая подаётся, если на неё надавить взглядом. Алена включила везде свет. Лампочки, как и обещала Блажкова, были новые, яркие и холодные, и свет от них не согревал.

— Мам, а можно мне не спать? — спросил Матей из ванной.

— Нельзя.

— Совсем?

— Совсем.

Он вышел в пижаме с динозаврами, мокрый, с торчащими волосами, и посмотрел на неё взглядом, который она называла «вторым вопросом». Первый вопрос всегда был про то, что можно. Второй — про то, чего он на самом деле боится.

— А ты не будешь закрывать мою дверь?

Она не стала закрывать. Прислонила, оставив щель в ладонь шириной, и коридорный свет лёг на паркет жёлтой полосой. Матей лёг лицом к стене, натянул одеяло до подбородка и через минуту уже дышал ровно и глубоко, как дышат дети, у которых день был слишком длинным.

Алена постояла над ним. Потом ушла в свою комнату.

Перед сном она зашла в ванную почистить зубы. Кран зафыркал, чихнул ржавой водой, потом очистился, и пошла чистая ледяная вода, слишком холодная даже для октября. Слив булькнул, как будто кто-то глотнул. Алена посмотрела в зеркало: усталая женщина тридцати четырёх лет, с тёмными кругами под глазами и мокрыми пальцами. За её спиной белел кафель и чугунный бок ванны. Она вдруг подумала, что в этом зеркале никогда не видела никого, кроме себя, и тут же рассердилась на эту мысль, потому что не понимала, откуда она взялась.

Уснуть она не смогла.

Полежала на спине, глядя на лепной медальон на потолке. Свет от уличного фонаря протекал сквозь щель между шторами и рисовал на штукатурке жёлтую линию, которая дрожала, когда внизу проезжали машины. Последний трамвай прогремел около полуночи, и после него Прага замолчала. Но настоящей тишины в доме не было. Был шорох в стенах, словно кто-то осторожно переставлял вещи этажом ниже. Был тонкий звон труб. Был скрип паркета, который она сначала приписала усадке, потом сквозняку, а потом перестала приписывать, просто слушала.

В какой-то момент она поймала себя на том, что считает шаги.

Не чужие, нет. Свои собственные, которые она делала

днём, от двери до кухни, от кухни до комнаты Матея. Так она запоминала места: в морге после смены она могла с закрытыми глазами пройти от секционной до раздевалки, потому что давно знала, сколько там шагов. Привычка полезная и бессмысленная, как все привычки, пережившие профессию.

Последний раз она посмотрела на часы в три минуты первого. Потом, видимо, всё-таки уснула.

Проснулась она от того, что кто-то стоял рядом.

Это было не ощущение, а факт, как температура в комнате: она открыла глаза и сразу поняла, что рядом человек. Сердце ударило один раз тяжело и сильно, и только потом она разглядела в полумраке силуэт.

Матей стоял у кровати босиком, в своей пижаме, прижимая к груди плюшевого динозавра, которого она не видела уже года два. Лицо в темноте казалось совсем белым.

— Мам.

— Что случилось? — Она села. Часы на тумбочке показывали 3:07. — Плохой сон?

— Нет. Не сон.

Она ждала. С детьми это работает лучше, чем вопросы.

— Тётя сказала, чтобы мы не открывали седьмую дверь.

Алена выдохнула. Она знала, как быть с кошмарами, с лунатизмом, с ночными страхами. Нужно было говорить спокойно и не спорить с содержанием.

— Хорошо, — сказала она. — Это хорошая просьба. А какую седьмую?

— Седьмую.

— В нашей квартире шесть дверей, милый. Ты просто сбился со счёта.

— Нет. — Он покачал головой с той серьёзной упрямой интонацией, которую она слышала от его отца в самых неприятных спорах. — Шесть, а седьмая есть. Тётя говорит, что есть.

Она взяла его за руку. Ладошка была ледяной.

И вот тут, вместо того чтобы уложить его, объяснить, согреть и забыть, Алена сделала то, о чём потом много раз жалела и что, как ей казалось, нельзя было не сделать. Она встала.

— Пойдём считать, — сказала она.

Они пошли по коридору вдвоём, босиком, и она держала в руке телефон с включённым фонариком, потому что включать общий свет в три часа ночи было бы признанием: она тоже боится.

Она считала вслух, тихо, как считают пациентов на приёме.

— Входная. Раз.

Она положила ладонь на холодное дерево. Дверь была заперта на оба замка и на цепочку.

— Кухня. Два. Гостиная. Три.

Матей шёл за ней вплотную, дыша ей в спину.

— Моя спальня. Четыре. Твоя комната. Пять. Ванная…

Ванная была крайней, самой дальней от входа. За ней

коридор упирался в глухую стену, оклеенную выцветшими обоями с мелким узором из гирлянд.

— Шесть, — сказала Алена. — Видишь? Шесть дверей, считая входную. Больше здесь двери просто некуда ставить.

Матей ничего не ответил. Он смотрел на стену в конце коридора. Не на дверь ванной, а чуть правее, на пустой кусок обоев, на котором не было ничего, кроме узора. Смотрел так, как смотрят на человека, который стоит и молчит.

— Она там, — сказал он очень тихо.

— Там стена, Матей.

— Я знаю. Но она там.

Алена подняла фонарик. Свет лёг на обои: бледные гирлянды, коричневые пятна от старой влаги, шов, где одна полоса не совпадала с другой. Она провела лучом сверху вниз и обратно. Стена. Просто стена, лет сто назад покрашенная, потом оклеенная, потом покрашенная снова.

Она хотела пройти вдоль неё и коснуться обоев пальцем. Она потом много раз возвращалась мыслями к этому моменту и не могла объяснить, почему не пошла. Профессиональная осторожность, может быть. Такая же, какая заставляла её никогда не открывать запертый ящик, не зная, что внутри.

— Пойдём спать, — сказала она.

Она уложила его, укрыла и села на пол рядом с кроватью, прислонившись спиной к матрасу. Он взял её за руку и уснул почти сразу, и она слышала, как ровно и глубоко он дышит.

Она сидела так до рассвета и считала.

Входная. Кухня. Гостиная. Спальня. Его комната. Ванная.

Шесть. Она проверяла вслух, шёпотом, снова и снова, как проверяют ответ задачи, в котором уверена и которому всё равно не верится.

Шесть.

Каждый раз выходило шесть. И каждый раз, доходя до последней двери, она ощущала странную вещь, которой не могла подобрать ни диагноза, ни слова: будто где-то в глубине дома кто-то считает вместе с ней и называет другое число.

Глава 4. Прошлое

Утро в новом доме началось с запаха кофе, и Алена впервые за много дней почувствовала, что мир, возможно, вовсе не собирается рушиться.

Гейзерная кофеварка нашлась во второй коробке, куда её положили по ошибке, между сковородкой и стопкой полотенец. Алена поставила её на плиту, открыла окно на кухне и стала смотреть, как над крышами лениво светлеет небо. В субботу в центре Праги раньше десяти почти никого нет: туристы ещё спят после пива, местные не торопятся. Только где-то внизу, у реки, гремел трамвай, и от его грохота дрожали стёкла.

Матей спал. Она заглянула к нему дважды. Он лежал на боку, подтянув колени к груди и уткнувшись лицом в плюшевого динозавра, и выглядел так, как выглядят дети, которым ничего не снилось.

За ночь она успела придумать три объяснения. Первое: она не выспалась, и мозг дорисовывает то, чего нет. Второе: дети в новых местах всегда слышат лишнее, а взрослые, особенно уставшие, склонны им верить. Третье она не додумывала, потому что оно начиналось словами «а что, если нет».

Телефон зазвонил в 8:40. На экране было имя, которое она всё ещё не успела изменить в контактах.

Томаш.

Она могла не ответить. Она даже подержала палец над красной кнопкой. Потом вспомнила, что соглашение об опеке обязывает её отвечать на звонки отца в разумные часы, и что Томаш помнит каждую запятую этого соглашения лучше, чем она сама.

— Доброе утро, — сказала Алена.

— Доброе. Как вы устроились?

Голос у него был вежливый и ровный, голос человека, который репетировал разговор. Бывший муж вообще всегда репетировал: звонки, ссоры, извинения. Когда-то ей это казалось надёжностью.

— Нормально. Матей спит.

— Хорошо. Я ненадолго. Ты прислала новый адрес, как положено по соглашению, и я посмотрел, что это за дом.

Вот оно.

— Томаш…

— Подожди. Мала́ Страна, сто двадцать метров, две минуты от Карлова моста. Квартира стоит вдвое меньше, чем соседние. Ты юрист не по образованию, но тоже не вчера родилась. Ты спросила, почему?

— Спросила. Идёт спор между наследниками.

— Это тебе так сказали.

Она промолчала. Сквозь окно донёсся долгий, протяжный сигнал: на реке гудел катер.

— Я не говорю, что с домом что-то не так, — продолжал Томаш, и по этой фразе она поняла: он именно это и говорит.

— Я говорю, что собираюсь выяснить. И пока я не выясню, мне не нравится, что мой сын живёт в этом доме.

— Наш сын.

— Наш сын. Именно поэтому, если вдруг выяснится что-то серьёзное, мне придётся поставить вопрос о его проживании. Ты же понимаешь, что я скажу судье.

Она понимала. Она слышала эту фразу ещё до того, как он закончил говорить, как слышат эхо раньше звука.

— Я перезвоню, когда получу информацию, — сказал он. — Хорошего дня, Алена.

Гудки. Кофе зашипел и полез через край. Она выключила газ, вылила кофе в раковину и несколько секунд стояла, вцепившись пальцами в край столешницы.

Гнев был простой и понятный, как боль в ушибленном месте. Но под ним, холодный и тяжёлый, шевелился другой вопрос, и её злило сильнее всего, что он задан голосом Томаша. Она ведь и правда не поняла, почему так дёшево.

Папка с документами лежала там, где её оставила Блажкова, на кухонном столе, рядом с ключом для подвальной клетки. Алена, хоть и подписала договор, пролистала его накануне по диагонали, как все делают, когда очень хотят, чтобы всё было правдой. Теперь она села, налила себе вторую чашку и стала читать с самого начала, медленно, карандашом отмечая каждую строчку, как читала когда-то протоколы вскрытий.

Договор был чистым. Справки были чистыми. Выписка из

кадастра подтверждала, что квартира принадлежит наследникам умершей хозяйки, и что на ней нет ни залога, ни обременений, кроме судебного спора, который не мешает продаже.

На последних страницах лежало приложение, которое она на вчерашней скорости прочитала совсем невнимательно: история владения, составленная агентством для юридической проверки. Шесть строчек. Шесть фамилий, шесть периодов, как шесть ступенек вниз.

Первой в списке стояла Ванда Моравцова, 1992–1998.

Вторым Ян Мразек, 1998–2002. Третьими супруги Пешековы, 2002–2007. Четвёртой Эва Новотна, 2007–2011. Пятым Богуслав Рихтер, 2011–2016. И последней Ирена Дворжакова, 2016 и до недавней смерти.

Шесть владельцев за тридцать с небольшим лет. Алена автоматически прикинула: в среднем по пять-шесть лет на хозяина. Для центра Праги, где семьи держатся за квартиры десятилетиями и передают их по наследству вместе с мебелью и долгами, это было не просто быстро. Это было странно.

Но странным было не только это.

Напротив каждой фамилии стояла колонка «Место жительства после продажи». Напротив Рихтера и Дворжаковой стояли адреса. Напротив Пешековых тоже, где-то в Брно. А напротив трёх имён, Моравцовой, Мразека и Новотной, агентство внесло один и тот же аккуратный, канцелярский штамп:

«сведения отсутствуют».

Она перечитала. Эти слова не означали ничего зловещего. Люди переезжают, меняют фамилии, уезжают за границу, умирают. Агентство, наверное, просто не стало искать. Но Алена слишком долго работала с телами, чтобы не знать: у каждого человека остаётся след. Адрес, счёт, регистрация, налоговая запись. Исчезнуть целиком, не оставив ничего, не так просто, как кажется.

И уж совсем сложно исчезнуть втроём из одной квартиры.

Она взяла карандаш и на полях страницы медленно, чтобы не дрожала рука, обвела три фамилии.

В комнате Матея скрипнула кровать. Раздались босые шаги, а следом из коридора донёсся его сонный голос:

— Мам, а мы сегодня будем гулять?

— Будем, — ответила она. — Сейчас, только допишу.

На листе под тремя фамилиями она аккуратно вывела: **«Выбыли? Куда?»**

И добавила, уже не карандашом, а просто мыслью, как врач добавляет в карту диагноз, которого не хочет видеть: никто из трёх не оставил нового адреса.

Глава 5. Даты

К полудню Матей стал инспектором.

Это была её идея, и ей казалось удачной: проще превратить страх в игру, чем объяснять, что страха нет. Она нашла в коробке с игрушками его старый детективный набор, лупу, блокнот и пластиковый фонарик, выдала всё это сыну и торжественно объявила, что сегодня они проводят инспекцию жилплощади.

— Первый этап, — сказала она, — осмотр дверных проёмов.

— Зачем?

— Чтобы знать, где что.

Это была полуправда. Вчера, когда Кратохвил ушёл вниз, а Матей с набитым животом уснул, она долго стояла в коридоре и смотрела на входную дверь, на четыре выцарапанные цифры. Профессиональная привычка не позволяла ей оставить находку без внимания. Если на одном косяке есть дата, значит, кто-то выбрал именно этот косяк. А человек, который что-то помечает, обычно помечает не один раз.

Она начала с входной двери.

1974. Цифры были глубокие, аккуратные, почти чертёжные. Каждая вырезана одним движением, сначала сверху вниз, потом наискосок. Нож, подумала Алена. Не ключ, не гвоздь. Нож с узким острым лезвием. Тот, кто резал, не то-

ропился и не колебался.

По краям дерево было светлым и чистым. Кто-то совсем недавно счистил с этого места краску.

— Мама, ты опять смотришь, как папа на счёт в ресторане, — сказал Матей.

— Не мешай экспертизе.

Она выключила верхний свет и опустила телефон с фонариком почти вплотную к дереву, так, чтобы луч шёл вдоль поверхности, под острым углом. Этому приёму её научил старый патологоанатом, который в десять утра уже пил коньяк, а двадцать лет назад был лучшим в Праге по следам на коже. Косой свет вытягивает рельеф. Любая вмятина, любая царапина, даже заклеенная и закрашенная тридцать раз, проступает на поверхности тенью.

Она медленно повела лучом вдоль косяка кухонной двери.

Сначала не было ничего. Белая масляная краска, тусклая, с застывшими потёками. Потом по дереву побежали тени: чёткие, мелкие, как морщинки у глаз. Тени складывались в линии, линии в цифры.

1981.

Алена не вскрикнула. Внутри неё что-то очень тихо щёлкнуло и встало на место.

— Что там? — шёпотом спросил Матей, подобравшись под её локоть.

— Дата.

— Какая?

— Старая.

Она перешла к гостиной. **1989.** Закрашенная, глубоко вросшая в слои краски, но под косым светом проступающая так ясно, будто её нарисовали вчера. Следующей была её собственная спальня, где она вчера ночью спала и ничего не заметила, не потому, что не смотрела, а потому, что смотреть было не на что: масляная краска, лак, ровная гладкая поверхность. Цифры вылезли только под лучом.

1998.

Матей молчал. Он держал в руке свой пластиковый фонарик и светил им в потолок, как будто искал там самолёт.

Дверь в его комнату она оставила напоследок и, подходя к ней, отчётливо почувствовала, что в коридоре стало холоднее. Не на градус, не на два, а так, как бывает, когда открываешь дверь в подвал. Холод шёл не от окон и не от стен. Он стоял между дверями, как вода в коридоре затопленного дома.

— Тут сильнее, — сказал Матей. Он потёр нос. — Тут тётя.

— Пойдём вместе.

Она повела лучом. **2007.**

Пятая из шести. Оставалась ванная в конце коридора, и она знала, что увидит там. Это не было предчувствием. Это был счёт. Ровный, холодный счёт, как в протоколе: дата, дата, дата.

На ванной стояла **2016**.

Алена присела на корточки прямо в коридоре и достала блокнот Матея. Руки у неё не дрожали, она проверила. Она записала столбиком:

1974 — входная 1981 — кухня 1989 — гостиная 1998 — моя спальня 2007 — комната Матея 2016 — ванная

Шесть дат, шесть дверей. Промежутки: семь, восемь, девять, девять, девять лет. Почти равные, как отметки на линейке, которую кто-то мерил не для школьных уроков.

Она не хотела думать о том, что значит «почти». Она не хотела думать, что в списке владельцев тоже шесть имён и что три из них ушли без следа. Она не хотела связывать цифры в таблицу, потому что слишком хорошо знала: если связать две цифры случайно, получится совпадение. Если связать шесть, получится система.

— Мам, — сказал Матей. — Пойдём в мою комнату. Я хочу показать, где я стоял, когда слышал.

Она пошла за ним. Не потому, что он попросил, а потому, что в этой комнате была стена, к которой он вчера прижимал ладонь, и до сих пор Алена не позволяла себе её осмотреть.

Матей остановился возле печи и встал на то самое место, где вчера сидел. Он показал рукой:

— Здесь.

Обои в комнате были выцветшие, бледно-зелёные, с едва заметным вертикальным рубчиком. Алена присела и провела по ним ладонью. Гладко, гладко, гладко. Потом, на уров-

не её пояса, почти у самого пола, под ладонью оказалась едва заметная выпуклость, твёрдая и маленькая, как горошина под матрасом.

Она нажала. Что-то металлическое тихо звякнуло о штукатурку.

— Матей, — сказала она очень ровно. — Принеси мне, пожалуйста, кухонный нож. Маленький. И не бегай.

Он принёс. Она подцепила обои. Бумага отошла легко, сухо, с шорохом, как корка со старой раны. За ней в тонком слое побелки, вдавленный в неё чьим-то большим пальцем много лет назад, лежал маленький предмет.

Серебряная серьга. Женская, длинная, с тонкой цепочкой и каплевидным зелёным камнем. На застёжке засохло что-то бурое, и Алена, которая двенадцать лет отличала на вид кровь от ржавчины, от краски и от кофе, не стала притворяться перед собой, что не знает, что это такое.

Глава 6. Серьга

Институт судебной медицины на Ке Карлову почти не изменился за полгода.

Тот же облупленный фасад цвета заветренной ветчины, тот же вахтёр в стеклянной будке, тот же запах в холле: хлорка, мокрая шерсть и дешёвый кофе из автомата. Алена вошла, и у неё на секунду подкосились ноги, как бывает, когда после долгого отсутствия возвращаешься в дом, где умер кто-то близкий. Но вахтёр поднял глаза от газеты, кивнул и сказал «добрый день, доктор», как будто она вышла покурить десять минут назад.

Она шла по коридору с пластиковым пакетом для вещдоков в сумке. Пакет она купила накануне в канцелярском на Нерудовой, заплатив сорок крон за упаковку из десяти, и весь вечер носила с собой, как носят таблетки, не решаясь принять. Серьга лежала на дне, завёрнутая в бумажную салфетку.

Ондржей Вльчек нашёлся в лаборатории на втором этаже. Он сидел над микроскопом, широкий, лысеющий, в очках с толстой оправой, и жевал рогалик, не отрываясь от окуляров.

— Если это призрак Горжалковой, — сказал он, не поворачивая головы, — то пусть он принесёт мне кофе.

— Призрак принёс тебе работу.

Он обернулся и вгляделся в неё. Они вместе вскрывали

трупы одиннадцать лет, он дважды был свидетелем на её свадьбе и один раз приходил в больницу, когда Матей родился с желтухой. Он умел читать её лицо лучше, чем она сама.

— Садись, — сказал он. — Что случилось?

Она выложила на стол пакет. Вльчек поднял его на свет, повертел, надел перчатки и вынул серьгу пинцетом. Серебро потемнело, камень помутнел. На застёжке, там, где металл смыкался в петлю, бурое пятно казалось почти чёрным.

— Откуда?

— Из стены.

— Из какой?

— Из стены в моей новой квартире. Под обоями.

Он присвистнул, тихо, вполсилы.

— Алена, ты понимаешь, что это не официальная просьба? Я не могу провести это по журналу. Нет заявки, нет следователя, нет акта изъятия. Ты хотя бы заявление в полицию написала?

— Пока нет.

— Почему?

Потому что полиция скажет «старая серьга» и положит в ящик. Потому что я нашла её две ночи назад, а мне до сих пор не по себе. Потому что Томаш уже звонил. Она не сказала ничего из этого.

— Потому что не знаю, что это, — сказала она. — Проверь для меня. Неофициально. Если это ржавчина, я пойду домой и забуду.

Вльчек посмотрел на неё долгим взглядом, потом вздохнул, как вздыхают люди, которые уже согласились, и придвинул к себе лоток с реактивами.

Он работал молча. Взял ватную палочку, увлажнил и тронул ею застёжку. Через несколько секунд капнул реагент, и на белой вате проступил бледно-розовый цвет. Алена наблюдала за ним так, как наблюдают за пульсом: без дыхания.

— Предварительно кровь, — сказал Вльчек. — Это не окончательно. Дай мне минуту.

Он достал из холодильника маленькую пластиковую кассету, капнул в неё раствор и стал ждать. Двенадцать минут они просидели рядом, не разговаривая. Где-то в коридоре гремела каталка, в соседней комнате студентка смеялась в телефон, и в этом смехе, живом и совершенно обычном, было что-то почти оскорбительное.

На кассете проступили две линии.

— Человеческая, — сказал Вльчек. Голос его стал другим, деловым и тихим. — Старая. Давность определить не могу, но на глаз, лет двадцать. Может, больше. Серебро и закрытая застёжка защитили лучше, чем ткань. Если там внутри достаточно материала, ДНК получить можно. Если нет, то нет.

— Сколько времени?

— Неделя, может, полторы. У меня очередь. — Он снял перчатки, бросил их в корзину и посмотрел на Алену поверх очков. — Но я сделаю. Никому не скажу, никуда не внесу, ты мне ничего не приносила. Только пообещай, что если ока-

жется то, о чём я подумал, ты пойдёшь в полицию.

— О чём ты подумал?

— О том, о чём подумала ты.

Она взяла пустой пакет, смяла его в кулаке и убрала в сумку. Вльчек вывел её в коридор, постоял у двери и вдруг сказал:

— Моя жена говорила, что ты купила квартиру на Малой Стране.

— Купила.

— Дёшево?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что на Малой Стране дорого, Алена. Всегда. — Он пожал плечами и вернулся в лабораторию. — Береги себя.

Матей вышел из школы в четыре, с лицом человека, который вынес первый день и собирается заявить об этом при случае. Они зашли в булочную, купили два рогалика и тёплый яблочный штрудель, и всю дорогу домой он рассказывал про учителя чешского, у которого на пальце было кольцо с черепом. Алена слушала и кивала, и ей почти удалось поверить, что это обычный понедельник.

После ужина она уложила его, села за кухонный стол и открыла ноутбук.

По адресу дома ничего не нашлось. По фамилиям тоже: Мразек, Пешеков и Новотна оказались слишком распростра-

нёнными, и поисковик выдавал сотни бессмысленных ссылок. Тогда она ввела: **«Ванда Моравцова 1998»**.

Третья строчка вела на архивную страницу полицейского портала розыска. Бесцветный сайт, в котором каждая карточка выглядела как справка из поликлиники. Алена открыла её.

Моравцова Ванда, род. 1963. Исчезла 14 ноября 1998 г. Рост 168 см, телосложение худощавое, волосы тёмные, длинные. Последний раз видели в районе Малой Страны. Была одета в светлое платье. Заявление о розыске подано соседом. Дело прекращено в 1999 г. в связи с добровольным отъездом заявленной в неизвестном направлении.

Она перечитала последнюю фразу дважды.

Под текстом была фотография. Чёрно-белая, зернистая, снятая, похоже, на плёночную мыльницу и потом десятки раз ксерокопированная. Женщина лет тридцати пяти стояла на лестнице. Тёмные волосы падали на плечо, на ней было светлое платье с высоким воротом. Она смотрела в объектив с тем напряжением, с каким смотрят люди, не любящие фотографироваться, и чуть-чуть улыбалась уголком рта.

За её спиной виднелись чугунные перила. Алена узнала их сразу: она сегодня утром держалась за эти перила, поднимаясь домой. На левом ухе женщины блестела длинная серьга с каплевидным камнем.

На правом ухе не было ничего.

Алена сидела очень тихо. Потом услышала шаги.

Матей стоял в дверях кухни босиком, с листом бумаги в руке. Он, наверное, давно не спал: на щеке отпечатался шов подушки, а глаза были тёмные и спокойные, как у человека, который знает, что делает.

— Я нарисовал тётю, — сказал он. — Чтобы тебе не было страшно.

Он положил лист на стол рядом с ноутбуком.

Рисунок был детский, цветными карандашами, неровный. Женщина в светлом платье с высоким воротом. Тёмные волосы на одно плечо. Чугунные перила за её спиной, выведенные коричневым с аккуратной зеркальной симметрией, которой у девятилетних не бывает. И на одном ухе, только на левом, зелёный капельный камень.

Алена перевела взгляд с экрана на рисунок, с рисунка на экран.

Матей никогда не видел этой фотографии. Ноутбук был закрыт весь день. Она сама нашла её три минуты назад.

— Она сказала, что ей жалко, — тихо добавил Матей. — Что у неё осталась только одна.

Глава 7. Первая дверь

В шесть утра Алена перестала притворяться, что спит.

Она лежала на спине, глядя на лепной медальон, и думала о том, как устроены тайники. Она читала об этом когда-то в старом криминалистическом руководстве. Люди прячут вещи там, где часто бывают, но куда не смотрят, потому что смотреть бессмысленно. За плинтусом. Под подоконником. В стене рядом с дверью, которой пользуются каждый день.

Серьга лежала в комнате Матея, в стене у печи. Значит, кто-то, кто знал дом, прятал вещи в стенах. А начинать, если искать систему, нужно с самой старой точки.

С входной двери. С **1974**.

Когда Матей ушёл в школу, она вернулась в квартиру, заперла за собой дверь и долго стояла в прихожей, оглядываясь так, как оглядывают место происшествия: слева направо, сверху вниз. Вешалка. Тумба для обуви. Зеркало в чёрной раме. Стена по левую руку от двери, до уровня пояса обшитая тёмными деревянными панелями, какими в старых пражских домах любили отделывать прихожие.

Панелей было шесть. Каждая в рамке из узкого багета, выкрашенная в тёмно-коричневый. Алена прошла вдоль них, постукивая согнутым пальцем по каждой, как постукивают по груди пациента.

Внизу, на первом этаже, кто-то включил радио. Диктор

спокойно, по-чешски, рассказывал о дожде над Моравией. Звук шёл сквозь пол приглушённо, как сквозь вату, и Алена на секунду задержала палец над третьей панелью. Радио стихло, не доиграв фразу. Она подождала, но ни шагов, ни скрипа не последовало. Просто человек внизу тоже перестал что-то делать.

Первые четыре звучали одинаково: глухо и плотно, как звучит стена, за которой сразу начинается камень. Пятая отозвалась иначе. Звук был короче и выше, с пустотой за ним, как у барабана, в котором что-то лежит.

Она постучала ещё раз. Потом ещё. Пустота.

Рамка вокруг панели держалась на двух гвоздях с широкими шляпками, закрашенными вместе со всем остальным. Алена принесла из кухни плоскую отвёртку и подсунула под край. Дерево упрямо скрипнуло, потом поддалось. Гвозди вышли из старых отверстий с тонким жалобным визгом, и панель отошла от стены, как дверца шкафчика.

За ней была ниша. Кирпичная, неглубокая, шириной в две ладони, с закопчённым сводом. Из неё потянуло холодом, пылью и кисловатым запахом старой бумаги.

В нише стояла жестяная коробка из-под печенья «Opavia» с выцветшим рисунком: дети, водящие хоровод вокруг ёлки.

Алена достала из сумки хлопковые перчатки. Они лежали там с давних пор, как у другой женщины лежит валидол, и она ни разу не вспомнила о них, пока не понадобились. Надела, вынула коробку и опустилась на пол прямо в прихожей.

Крышка поддалась с хрустом ржавчины.

Внутри лежало пять вещей.

Лёгкий серый конверт с несколькими старыми фотографиями. Наручные часы «Прим» на потрескавшемся ремешке, остановившиеся на двадцати минутах пятого. Связка из трёх ключей на проволочном кольце. Открытка с видом собора святого Стефана в Вене. И паспорт.

Паспорт был тёмный, с гербом ЧССР на обложке. Она открыла его на первой странице.

Фиала Ян. Родился в 1941 году. Инженер-технолог.

С фотографии смотрел мужчина лет тридцати, с густыми бровями и чуть растерянным лицом человека, которого просят не моргать. Алена перелистнула страницу, потом ещё одну, потом ещё. Паспорт был чистым. Ни выездных виз, ни пограничных штемпелей, ни разрешений на поездки, без которых в 1974 году на Запад можно было уехать только нелегально, через лес и колючую проволоку. Страницы хранили гладкую безупречную пустоту нового документа.

Ян Фиала не пересекал границу. Этот паспорт вообще никогда не покидал страну.

Она взяла открытку. Венский собор на фоне синего неба, с обратной стороны несколько строк, написанных быстрым наклонным почерком:

«Добрался. Всё хорошо. Не ищите меня. Ян».

Ни марки, ни штемпеля, ни адреса. Её никто не отправлял.

Алена сидела на холодном полу и прокручивала в голове то, что знала о тех годах. Побег за границу в семьдесят четвёртом был делом громким: допросы, обыски, увольнения друзей и родственников, чёрная метка на всей семье. Если человек исчезал, а потом приходила открытка из Вены, никто не разбирался, как она пришла. Но открытка не пришла. Она лежала здесь, в стене, в тёмной нише, заготовленная и ненужная, как реквизит для спектакля, который отменили. Кто-то хотел, чтобы все решили, будто Ян Фиала уехал. И этот кто-то не довёл дело до конца, потому что кончилось что-то другое.

Она попыталась представить его. Инженер-технолог тридцати трёх лет, из тех, кого в семьдесят четвёртом не трогали, пока он молчал. Он любил, наверное, свою работу, свою жену и свои шляпы. Каждое утро выходил из этого подъезда, сворачивал на Нерудову, ехал куда-то трамваем с портфелем. Пока однажды не вышел совсем. И все эти годы дом хранил его паспорт и часы так же старательно, как хранят чужие письма: не читая, но и не выбрасывая.

Она открыла конверт.

Фотографий было четыре. На первых двух был сам Фиала: на фоне чугунных перил и ещё с какой-то женщиной на набережной, оба смеялись, придерживая шляпы от ветра. На третьей была группа людей во дворе этого дома, человек десять, щурящихся на солнце. Алена всмотрелась в лица. Старик в подтяжках с трубкой. Две женщины в одинаковых ко-

сынках. Девочка лет десяти с бантом, тянущая за руку отца. Крепкий усатый мужчина, явно привыкший, что фотографируются по его команде. А в заднем ряду, у самого края, прислонившись к стене, стоял юноша лет девятнадцати, узколицый, с аккуратно причёсанными волосами и чуть склонённой головой, как у человека, который слушает и всем доволен. Руки он держал за спиной. Алена не знала его. И всё же что-то в этом наклоне головы показалось ей неприятно знакомым, как мелодия, которую слышал в детстве и не можешь вспомнить.

Четвёртая была снимком одной двери. Дверь тёмного дерева, чуть приоткрытая, и в щели полоска света. Входная дверь её квартиры, она сразу узнала латунную ручку.

Она перевернула снимок. На обороте стояло одно слово, выведенное чернилами:

«Закрыто».

Не «закончено», не «решено», не «убрано». Именно «закрыто», как закрывают дело. Или как закрывают дверь.

Алена смотрела на почерк. Угловатый, с сильным наклоном влево, с тем особенным нажимом, при котором перо словно продавливает бумагу, и с манерой не отрывать его в конце слова, а уводить в короткий хвостик, как будто пишущий боится оставить фразу незавершённой.

Ей не требовалось сличать. Она и так знала, где видела эту руку. Она встала, прошла на кухню, взяла со стола картонную бирку, привязанную к ключу от подвальной клетки,

и вернулась с ней в прихожую.

«Для хозяев».

Тот же наклон. Тот же нажим. Тот же хвостик.

Эту бирку, пятьдесят лет спустя, надписал тот же человек, который в семьдесят четвёртом написал на обороте фотографии одно-единственное слово. И от этого, не от паспорта, не от открытки, не от серьги, Алене впервые стало по-настоящему страшно.

Глава 8. Дом помнит

Пятая панель в прихожей снова стояла на своём месте, прибитая двумя новыми гвоздями, а коробка из-под печенья лежала на дне шкафа в спальне, под зимним пальто.

Алена не знала, зачем возвращает всё, как было. Наверное, потому что слишком долго работала там, где важно сохранять порядок. Нельзя трогать улики. Нельзя забирать больше, чем нужно. Нельзя, чтобы убийца понял, что его нашли.

Мысль о слове «убийца» впервые пришла к ней в среду, в половине третьего, когда она мыла кружку, и она так удивилась, что чуть не выронила её в раковину.

Убийца. Не «нехороший человек», не «странный сосед», не «кто-то, кто что-то прячет». Она произнесла это слово про себя и обнаружила, что оно не звучит нелепо. Оно звучало как диагноз, который давно стоял на кончике языка.

В дверь позвонили.

Не два коротких и один длинный. Просто один звонок, робкий, будто нажимали кнопку, извиняясь.

На площадке стояла женщина лет семидесяти пяти, маленькая, сморщенная, в цветастом халате поверх шерстяного свитера и в вязаных носках, засунутых в стоптанные тапочки. Седые волосы были убраны под сетку. На лице, дубленом, как старая кожа, светились удивительно живые, цеп-

кие глаза. В руках она держала горшок с геранью.

— Власта Нейедла, — сказала она. — Третий этаж. Я вам цветок принесла, у вас на окнах пусто, а без цветов дом не дом.

Она говорила быстро, чуть громче, чем нужно, и Алена заметила в её ухе бежевый слуховой аппарат.

— Проходите, пожалуйста.

— Нет, нет, я не буду, я на минутку… — Власта уже перешагивала порог, оглядывая прихожую. Взгляд скользнул по вешалке, по зеркалу, по панелям на стене. На пятой он задержался на долю секунды. — Хотя чаю бы выпила. Если у вас найдётся.

Чай нашёлся. Алена вынула из коробки две чашки, неподходящие друг к другу, и села напротив гостьи за кухонный стол. Власта обхватила чашку обеими ладонями, как греют руки зимой, и вздохнула.

— Вы ведь не боитесь? — спросила она.

— Чего?

— Дома.

Она произнесла это просто, без нажима, как спрашивают про погоду. Алена вдруг поняла, что не знает, что отвечать. Если бы пожилая женщина говорила с кошачьей игривостью, о домовых и скрипучих половицах, это можно было бы пропустить мимо ушей. Но в её голосе не было игры.

— Я пока присматриваюсь, — сказала Алена.

— Хорошо. Присматриваться полезно. — Власта кивнула.

— Я здесь с семьдесят первого. Пятьдесят пять лет. Я старая, но сердце у меня как у спортсменки, врач на диспансеризации сказал: хоть сейчас на Олимпиаду. Муж умер, дети в Канаде, а я осталась. Вы знаете, что я могу рассказать про этот дом столько, что можно писать книги?

— Расскажите.

Власта посмотрела на дверь, потом на потолок, будто проверяла, нет ли кого, и придвинулась ближе.

— В семидесятые, — сказала она шёпотом, который слышало, наверное, пол-этажа, — у нас жил человек, который рассказывал всё. Не мне. Тем, кому нужно. Вы понимаете, о чём я? Те времена. Приходили поздно, в серых плащах, всегда двое. Один стоял у лестницы, другой поднимался. И после этого кто-то из жильцов вдруг «уезжал». Эмигрировал. Или переезжал в другой город, к родственникам. И квартира потом отходила кому-то другому, по ордеру. Тихо, без шума.

— Кто рассказывал?

— Этого я вам не скажу. — Власта выпрямилась и сжала губы. — Я не из тех, кто бросает такие слова на ветер. Мальчишка тогда был совсем юный, на побегушках у отца, а мальчишки, они… Ай, ладно. Знаете, что самое странное? Я как-то раз подсчитала. Каждые семь-девять лет кто-нибудь у нас «уезжал». Семьдесят четвёртый. Восемьдесят первый. Восемьдесят девятый, тоже, в самом конце, когда все уже радовались свободе. И потом девяносто восьмой.

Алена не шевельнулась. Она держала ложку над чашкой и

чувствовала, как по спине ползёт холод, знакомый, профессиональный: такой холод бывает, когда клиент в ходе беседы называет деталь, которую не мог знать.

— Вы сказали, девяносто восьмой.

— Вандочка. — Власта опустила глаза. — Ванда Моравцова. Жила в вашей квартире. Работала в библиотеке на Тржиште, тихая такая, начитанная, вечно с книгой на лестнице. Мы с ней чай пили по средам. Я подала заявление, когда она пропала. Через две недели, когда стало ясно, что не в командировке. Приходил молодой следователь, Седлачек, фамилию помню, потому что такая смешная, вежливый. Сказал: гражданка уехала сама, оставила записку, а вы, пани Нейедла, не волнуйтесь. А записки я не видела. Ни тогда, ни потом.

Она смотрела в чашку, и пар шевелил её седые брови.

— Я всё жду, что кто-нибудь спросит, — тихо сказала она. — За двадцать восемь лет вы первая, кто сел вот так со мной и слушает.

Алена протянула руку и накрыла её ладонь своей. Рука была сухая, лёгкая, как птичья лапка.

— Я слушаю, — сказала она.

Власта глубоко вдохнула. И в этот момент в дверь позвонили.

Два коротких. Один длинный.

Алена знала, кто это, ещё до того, как поднялась. Она открыла. На пороге стоял Кратохвил в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, и лицо его выражало вежливую, слег-

ка растерянную заботу.

— Простите, что беспокою, — сказал он. — Пани Нейедла у вас? Я заходил к ней, не застал. Подумал: наверное, к новым соседям пошла. Власта, дорогая, вы оставили вчера у меня вашу вечернюю таблетку. Вы же знаете, вам нельзя пропускать.

Он протянул на раскрытой ладони белую таблетку в фольге.

Власта встала. Алена видела, как за секунду изменилась её осанка: плечи опустились, голова втянулась, лицо стало маленьким, послушным и очень старым.

— Спасибо, Йозеф, — сказала она. — Вы такой заботливый.

— Для того и живу, — улыбнулся он. И повернулся к Алене: — Простите, что прервал вашу беседу. Вы ведь не против, если я заберу пани Нейедлу? Ей нужно отдыхать. Сердце, понимаете.

— Конечно, — сказала Алена.

Она смотрела, как они вместе идут по лестнице: он впереди, придерживая её под локоть, она следом, ступая осторожно, по одной ступеньке. На площадке между этажами Власта обернулась. Её глаза нашли Алену, и в них мелькнуло что-то, чего Алена не сумела прочитать. Не страх. Скорее просьба, которую нельзя произнести вслух.

На столе осталась недопитая чашка. Герань стояла на подоконнике и, казалось, смотрела в окно.

Алена вспомнила одну фразу, брошенную Властой в самом начале, между чаем и разговором о домах. «Я старая, но сердце у меня, как у спортсменки. Врач на диспансеризации сказал: хоть сейчас на Олимпиаду».

Утром её разбудил звук сирены. Не громкий, приглушённый: «скорая» остановилась у подъезда и не включила мигалку. Алена выглянула в окно. Двое санитаров выносили носилки, накрытые простынёй, и на ступеньках, в чёрной кофте, стоял Кратохвил. Он плакал. Сухонькие плечи вздрагивали, и он прикрывал лицо ладонью, как стесняющийся ребёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.